

— Пути века непредсказуемы... — Руки генерала Туна уже были развязаны, и их больше не стягивала жёсткая верёвка. Действия вдовствующей императрицы разбили ему сердце, наконец-то позволяя откровенно поговорить о том, что сейчас творится в Силэй. Растирая больные и онемевшие запястья, Тун Цзяньмин принял серьёзный вид: — В тот день Тун-эр повёл себя крайне импульсивно. Воспользовавшись тем, что Лу Дань выкрал князя Мина, тем самым отвлекая Его Величество, он от имени императора издал приказ и взял контроль над армией. И пока Его Величество вместе со своим малым войском искал князя Мина, сражаясь на берегу реки Оман, мне было приказано оставаться в столице и охранять её... К сожалению, я слишком поздно узнал о том, что произошло. — Как только мужчина замолчал, рассказав события тех дней, из его груди снова вырвался тяжёлый и длинный вздох.

Но каждый прекрасно понимал, что это ещё не конец истории, поэтому никто не осмелился прервать нависшее молчание, тихо ожидая продолжения рассказа.

Обведя всех собравшихся взглядом, Тун Цзяньмин скривил свои губы в горькой улыбке и продолжил:

— По правде говоря, императрица оказалась права, назвав меня предателем Силэй. Сначала, когда я узнал, что Тун-эр посмел поднять меч на Ваше Величество, я хотел собрать войско и уничтожить этого дерзкого мальчишку, отомстив за Вашу смерть. Но вскоре я узнал новости о том, что наш император погиб, сражаясь на берегу реки Оман. А так как нынешний император Силэй умер, оставался лишь один человек, который должен был следующим занять его трон, и им, конечно же, оказался Тун-эр. Теперь... теперь скажите мне, как я должен был поступить? Если бы я не убил его, то наверняка предал бы память Вашего Величества. А если бы убил, то... тогда получается, что я, Тун Цзяньмин, оказался виновным в убийстве наследника Силэй, которого семья Тун поклялась защищать. Тем более... этот ребёнок буквально вырос на моих глазах. Так как мой старший брат умер в раннем возрасте от очень тяжёлой болезни, а вскоре после его смерти умерла и его жена, я стал единственным родным человеком для Тун-эра...

И тут мужчина разразился горькими слезами, а его враждебность по отношению к Фэн Мину и Жун Тяню стала таять на глазах. Более того, генерал то ли осознанно, то ли нет назвал Жун Тяня Его Величеством и императором. А после, погрузившись в воспоминания, он всё чаще и чаще повторял «Ваше Величество», обращаясь уже к самому мужчине.

Заметив скорбь на лице Тун Цзяньмина, вдовствующая императрица мягким тоном проговорила:

— Я прекрасно понимаю твою боль. Ведь не ты один приглядывал за Тун-эром, я тоже видела весь его путь от самого рождения до юношества. Пути века действительно непредсказуемы, и невозможно всё предугадать наперёд. Узнав о смерти Его Величества, ты принял правильное решение, позволив Тун-эру занять престол, чтобы защитить императорскую семью Силэй. Но после того как ты узнал о том, что Его Величество вернулся, почему ты оказался в засаде, где чуть не убил настоящего императора?

Задавая этот вопрос, Её Величество уже знала ответ, только теперь она хотела услышать его от Тун Цзяньмина. Говоря эти слова, женщина перевела свой взгляд и поглядела на Жун Тяня, а

потом и на Фэн Мина.

Фэн Мин подумал: «Игра продолжается, а я всё ещё не знаю, как именно Жун Тянь решил расшатать национальную политику, наслушавшись моих советов. Это дело нешуточное. Сейчас же надо наострить свои уши, включить свой мозг на максимум и внимательно вслушиваться в ответ Тун Цзяньмина».

С ещё большим почтением обращаясь к вдовствующей императрице, Тун Цзяньмин шёпотом проговорил:

— Если можно было бы вернуться в прошлое и изменить его, то я был бы счастлив узнать, что Его Величество вернулся. Узнав об этом, я бы немедленно схватил Тун-эра и посадил его под стражу. После чего, взяв с собою всех министров, направился бы к городским воротам, чтобы открыть их, и поприветствовал Ваше Величество. Вот только Его Величество создал указ о «Равной милости», который шёл вразрез интересам многих знатных сановников, что преданно служили и воевали за Силэй. И если бы мы действительно послушались и исполнили приказ Вашего Величества, то наверняка вся многовековая династия Силэй в одночасье рухнула. И именно по этой причине Его Величество не может вернуться обратно в Силэй и вновь занять свой престол. Поэтому, чтобы сохранить всё то, что было создано покойным императором, мы вынуждены были принять единственно правильное решение — убить Ваше Величество на обратном пути в Силэй. И за это принятое решение я, Тун Цзяньмин, нисколько не раскаиваюсь. Даже если после смерти мне суждено попасть в загробное царство, то я смело погляжу в лицо Его Величеству и своим умершим предкам.

Сказав это, мужчина слегка приподнял подбородок. На открывшемся взору лице не было даже тени сожаления или смущения. Наоборот, оно выглядело холодным и непоколебимым, будто маска, выкованная из стали.

Слушая всё то, что говорил генерал Тун, Фэн Мин понял одно: вместо простого и внятного объяснения он услышал лишь туманные намёки. Вслушиваясь и напрягая все свои извилины, юноша чувствовал, что запутывается ещё больше. Оттого что в его голове всё смешалось, превращаясь в один сплошной бардак, Фэн Мин слегка поморщился и свёл свои изящные, тонкие брови к переносице. После чего легонько пихнул локтём Жун Тяня, который сидел рядом с ним, и шёпотом спросил:

— Эй, что за приказ о «Равной милости»?

Несмотря на то, что юноша сказал это шёпотом, его голос прокатился по всей палатке, и мать-императрица вместе с Тун Цзяньмином услышали его. Переведя взгляд, они с изумлением поглядели на Фэн Мина. Они были удивлены тем, что Его Светлость даже понятия не имеет про эту «Равную милость».

И, конечно же, такая реакция не могла пройти мимо тёмно-карих глаз. Заметив, с каким неподдельным интересом и любопытством его мать и Тун Цзяньмин смотрят на юношу, Жун Тянь изогнул губы в довольной улыбке и сказал, обращаясь к матери-императрице:

— Как я уже говорил, князь Мин здесь ни при чём. А Вы, матушка, мне не поверили. Дело в том, что указ о «Равной милости» — это моё решение, которое я лично внёс в государственную политику. Поэтому матери императора не стоит обвинять князя Мина, который не имеет к этому никакого отношения. — После, повернувшись к Фэн Мину, с присущим ему терпением начал объяснять: — «Равная милость» — это новая национальная политика, которую я уже давно хочу претворить в жизнь. Но она ещё не закончена, и перед тем как я её объявлю всему народу, нужно внести в неё ряд изменений. Сама же рукопись с набросками находится во дворце... Вот только я никак не ожидал, что Лу Дань, который приехал просить еды для своей страны, выманит меня из столицы. А что произошло дальше, ты и так уже знаешь. В итоге мои рукописи попали в руки Тун-эра, и с помощью моих указов ему удалось настроить часть знати против меня.

Генерал Тун, покачивая головой, сказал:

— Лишь Ваше Величество управляет всеми государственными делами, Вы всегда были мудрым и благоразумным правителем, которого поддерживало множество чиновников. Однако я до сих пор не могу понять, почему Вы решили принять такой указ, который смог бы погубить весь наш Силэй? Если бы Тун-эр не выкрал этот свиток с Вашим указом, то я бы наверняка решил, что он всё это придумал, чтобы захватить престол.

Вдовствующая императрица, видимо, уже давно точила зуб на эту «Равную милость» и сейчас просто не могла не вставить своё императорское слово:

— Сейчас в столице каждый дворянин охвачен страхом от этого указа. Многие из них до сих пор преданы Вашему Величеству, однако пренебрегающего основами Силэй, совершенно не любящего и собирающегося отбросить их императора могут ли они поддержать по доброй воле?

После того как Фэн Мин уладил дела с императрицей, уговорив женщину больше не настаивать на женитьбе Жун Тяня, их отношения изменились. При каждой их встрече Её Величество всегда одаривала Фэн Мина своей тёплой улыбкой и обращалась с ним как с сыном. Но сейчас все эти чувства разом угасли, тёплая улыбка померкла, а взгляд женщины стал резким и холодным, как лёд. От этого резкого накала Фэн Мину стало не по себе. Испытывая страх и тревогу, юноша осторожно повернул голову, в которой царил сплошной бардак, и снова робко проронил, обращаясь к Жун Тяню:

— Эй, эй, в конце концов, какой смысл в «Равной милости»?

— Смысл этой «Равной милости» заключается в том, чтобы справедливо воздать императорскую милость простому народу Силэй. Теперь понятно?

И тут лицо Фэн Мина просияло, словно до него дошёл смысл сказанного. Юноша слегка кивнул головой и сказал:

— Понятно! — Но внезапно его лоб нахмурился, а тонкие брови вновь сошлись на переносице, и

он уже на полном серьёзе спросил: — А что это значит?

Что за милость императора должна быть справедливо дарована как чиновникам, так и народу? Вариантов ответа очень много, прямо говоря: пусти его по четырём морям, и везде оно окажется точным[1].

— Позвольте князю Мину объяснить, что же означает этот указ о «Равной милости». — Приведя мысли в порядок, Тун Цзяньмин последовательно стал объяснять: — Первая статья приказа гласит, что нужно изменить правила выбора генералов и чиновников в Силэй. То есть если раньше место в верховном совете для генералов и министров передавалось по наследству, то теперь эта система будет отменена, вместо неё введётся новая. Но это не самое страшное. Самое страшное заключается в том, что Его Величество хочет позволить крестьянам и простолюдинам принимать участие в совете. Ох, представьте, что будет, если крестьянин и простолюдин станут чиновниками? Да это же выльется в целое восстание! Да ни в одном из одиннадцати государств нет такого, чтобы крестьянин или простолюдин принимали участие в законах политики.

Теперь князь в конце концов, можно сказать, немного понял, в чём заключался смысл «Равной милости». Внимательно выслушав Тун Цзяньмина, Фэн Мин дважды кивнул и произнёс:

— Вы только что рассказали про систему свободного выбора генералов и чиновников. Хорошо, хорошо. Хм, кажется, я упоминал об этой системе, когда только попал в Силэй... Ай!.. Больно же!.. — юноша вскрикнул, не успев договорить, и недовольно уставился на Жун Тяня, который с силой ущипнул его, запустив руку под одеяло.

Мужчина же, не скрывая своего гнева, также посмотрел на него, готовый одним лишь взглядом испепелить несчастного князя.

Он не хотел, чтобы против Фэн Мина ополчилась не только вдовствующая императрица, но и вся знать Силэй. Поэтому всеми силами старался держать его как можно дальше от всей этой заварушки, пытаясь защитить. Но этот мелкий идиот сам признался в том, что это он посоветовал Его Величеству принять такой закон.

Мать императора и Тун Цзяньмин с осуждением посмотрели на Фэн Мина, как бы говоря: «Так вот в чём дело».

Являясь человеком открытым и прямолинейным, Фэн Мину пришлось признать, скрепя сердце, что он не только знаком с этой системой, но и сам её предложил. Подумав, юноша наконец-то понял:

— Оказывается, из-за этого вся знать не хотела, чтобы Жун Тянь возвращался обратно и вновь становился императором? Цэ-цэ, и вы всё ещё говорите, что непоколебимо преданы вашему государю, в то время как Жун Тянь всего лишь хотел дать другим шанс, чтобы те могли сделать свою жизнь лучше. А вы решили его уничтожить. Что за непоколебимая преданность, цэ-цэ, цэ-цэ!

Несмотря на то, что юноша был невероятно милым, когда высказывал своё мнение, бесконечно цокая языком, в глазах Тун Цзяньмина — этого «непоколебимо преданного» правнука аристократов — Фэн Мин выглядел не в самом лучшем свете.

Более того, от его слов Тун Цзяньмин непроизвольно изменился в лице и глубоким голосом произнёс:

— Вы думаете, что вся знать предала императора только лишь из-за «Равной милости»? Нет, знать не хочет принимать эту поправку из-за второй статьи, сказанной в новом законодательстве.

— А? — Фэн Мин запустил всю пятерню себе в волосы и почесал затылок. — А там есть ещё и вторая статья?

— Да, есть! И в ней сказано, как нужно снизить власть, которой владеет знать, и так постепенно убрать дворян, чьи титулы передавались из поколения в поколение. То есть со временем наши внуки и правнуки, потеряв свой дворянский титул, станут простолюдинами или даже крестьянами, — объяснила императрица Фэн Мину, не дав генералу Туну и рта раскрыть.

Сама же женщина была из знатного рода, иначе как бы она могла выйти замуж за покойного императора Силэй?! Поэтому если Жун Тянь введёт это новое законодательство, то оно непременно коснётся и её семейных ценностей.

В основном вся аристократия одиннадцати государств привыкла придерживаться наследственной системы. Получив однажды дворянский титул, человек передавал его своим потомкам, которые из поколения в поколение пользовались им. Титул даровал им деньги и серебро, которые регулярно выделялись верховным советом на земли, рабов и дворцы. Аристократия также занимала высокий пост в совете и веками наслаждалась такими привилегиями, каких у простолюдинов никогда не было и быть не могло.

Согласно этому закону, дети аристократии, если, конечно, не затевали заговоров против государя, могли спокойно наслаждаться всеми радостями жизни. Причём, даже если потомок аристократа — идиот, он всё равно был обеспечен до конца своей жизни. Да кто при таких-то привилегиях не будет предан императору?

Но тут Жун Тянь решил изменить государственную политику и лишить дворян их титулов. А лишиться дворянского титула — значит лишиться всего.

«Хм, тогда неудивительно, почему вся знать захотела взбунтоваться...»

Поразмыслив ещё какое-то время, Фэн Мин обеспокоенно спросил у Жун Тяня:

— А ты в эту «Равную милость» вписал только две статьи, а не три или, скажем, четыре?

Ведь если так посмотреть, то и этих двух пунктов с лихвой хватило, чтобы разозлить и переполошить всю знать. А если в этом указе будет три или четыре пункта, не поднимут ли люди мятеж?

Удобно устроившись возле Фэн Мина, Жун Тянь спокойно ответил с улыбкой на лице:

— Нет, там только два пункта, но в рукописи ещё достаточно места.

— Ты ещё и смеёшься! — Пристально уставившись на мужчину, Фэн Мин сказал: — Ты — император, и если тебе захотелось обновить закон, то, пожалуйста, посмотри на обстановку в стране. Изменения нужно вводить потихоньку, шаг за шагом. Но нет! Ты решил одним махом разворошить это осиное гнездо. А теперь это твоё решение заставило всех разозлиться и ополчиться на тебя!

Жун Тянь, горько улыбаясь, сказал:

— Мать-императрица рассказала лишь о двух достаточно важных статьях, написанных в рукописи. Но, помимо этих двух статей, там есть сотни правил, о которых, к сожалению, я не могу тебе рассказать, так как боюсь, ты не поймёшь их. Сами же законы, написанные в этом свитке, который был спрятан во дворце, вводились бы постепенно в зависимости от ситуации. Ты что, считаешь, что я бестолочь, необдуманно возьму и сразу издам новые указы? Вот только я никак не предполагал, что Тун-эр захватит дворец и этот свиток в итоге попадёт к нему в руки. Увы, но это действительно моя вина.

Протяжно вздохнув, мать императора не без радости проговорила:

— Ну наконец-то Ваше Величество признал свою вину. Знать является основой нашего государства. Достойная знать нашей страны произошла от самых лучших генералов и сановников, которые передавали свои навыки из поколения в поколение. К тому же они и их предки веками были преданы императорской семье Силэй. Я думаю, что Вашему Величеству нужно изменить свои намерения и сжечь новый указ о «Равной милости». И если Вы это сделаете, то тогда вся знать, что поддержала Тун-эра, вновь станет верой и правдой служить Вашему Императорскому Величеству.

Тун Цзяньмин тоже оживился и с благоговейным видом проговорил:

— Если Ваше Величество действительно это сделает, то тогда я вернусь в столицу, открою городские ворота и вместе с Тун-эром встречу Вас. Выказав своё почтение, мы преклоним колени перед государем и покорно примем наказание, каким бы оно ни было.

— Вот только согласится ли Тун-эр на это? — с сомнением спросила императрица.

Тун Цзяньмин прекрасно знал, что Тун-эр так просто не сдастся. Помолчав какое-то время,

мужчина глубоко вздохнул и сказал:

— Безжалостная война царит во всех одиннадцати государствах, да и Ли смотрит на нас, как тигр на свою добычу. Сможет ли мой Силэй справиться со всем этим хаосом? Когда над страной нависает опасность, то нужно отбросить свои чувства в сторону. Если Тун-эр будет упрямыться, то я, его дядя, лично схвачу его и отдам Вашему Величеству. И даже если после смерти в подземном царстве меня будет ждать наказание от моего брата и сестры, то я безропотно приму его. – Подняв голову, генерал Тун поглядел на Жун Тяня тяжёлым взглядом. — По правде говоря, если бы не эта «Равная милость», то государь был бы в сотню раз лучше Тун-эра. Узнав, что Вашему Величеству удалось остаться в живых, Тун-эр потерял покой и сон. Не обращая внимания на все мои уговоры, он сговорился с императором Ли Жо Янем, из-за этого я был крайне разочарован в нём.

Из этих слов стало ясно: мужчина по-прежнему верен Жун Тяню. Также, судя по словам генерала Туна, всё, что нужно было сделать Жун Тяню, — это отказаться и уничтожить указ о «Равной милости». Более того, Жун Тянь должен был помиловать тех аристократов, которые поддержали Тун-эра. Тогда большинство из них начнут бить в гонг и откроются городские ворота, а вся знать со всеми почестями выйдет встречать Его Величество.

Неожиданно дело приобрело совершенно другой оттенок, словно тёплый лучик света пробрался сквозь тяжёлые облака и разогнал своим сиянием воцарившуюся серость.

Вместе с этим создавалось впечатление, что Жун Тянь может с лёгкостью вновь вступить на престол.

Мать-императрица и Тун Цзяньмин смотрели на Жун Тяня с нетерпением, ожидая, какое же решение примет Его Величество. Сам же Фэн Мин в душе всеми руками поддерживал указ о «Равной милости», и ему было бы обидно, если от этого нововведения взяли и отказались бы. Слегка пошевелившись в постели, юноша уже хотел было открыть рот, чтобы высказать своё мнение, но, поглядев на вдовствующую императрицу и Тун Цзяньмина, решил этого не делать.

Ситуация была крайне щепетильной, и Жун Тянь должен был вынести решение, которое могло в корне изменить всё. Секунды тянулись мучительно долго. От напряжения, витающего в воздухе, Фэн Мин напрочь забыл всевозможные наставления Жун Ху.

Казалось, Жун Тянь глубоко задумался, тщательно взвешивая все за и против.

Фэн Мин так же, как мать-императрица и генерал Тун, внимательно смотрел на Жун Тяня, стараясь унять сердце, которое бешено билось, пытаясь выскочить из груди.

Решение Жун Тяня касалось не только знати и простого народа Силэй, но также затрагивало всех тех, кто жил в Поднебесной.

После небольшого, но тщательного раздумья в глазах Жун Тяня промелькнула небольшая

искра решимости, и мужчина медленно проговорил:

— Если только нынешний император не умрёт по дороге в столицу, то моя «Равная милость» станет основной политикой Силэй. Я прикажу всем слугам перенести на бумагу мой указ и сделать несколько сотен копий, а затем разместить их по всем городам, деревням и прочим провинциям. Я хочу, чтоб все узнали, каким императором Силэй я собираюсь быть. – Эти слова были сказаны таким решительным тоном, что ни о каком пересмотре дела и речи быть не могло.

Как только Жун Тянь замолчал, в палатке тотчас же воцарилась мёртвая тишина.

Мать-императрица вместе с генералом Туном не верили своим ушам. Услышав окончательное решение Жун Тяня, они, застыв, стали походить на деревянных кукол. Их восторженные лица, лишь слегка изменившись, стали внезапно мертвенно-бледными.

И лишь Фэн Мин, всё ещё находясь в шоковом состоянии, слегка приоткрыл рот и шептал:

— Жун Тянь...

Услышав его тихий крик, мужчина повернул к юноше голову и сказал, растягивая губы в улыбке:

— Возможно, мои действия немного радикальные, но править государством — это всё равно что вести войну. Тебе нужно быть коварным и хитрым и правильно использовать своих солдат. Прощу, не беспокойся обо мне и не уговаривай меня.

— Нет, — приподнял Фэн Мин голову, обнажая взору несдержанную улыбку, — я просто хотел сказать тебе, что ты восхитителен! – Схватив Жун Тяня за пояс, юноша добровольно притянул его к себе и маленьким ротиком прижался к губам мужчины, поощряя того поцелуем.

Примечания:

[1]Обр. в знач.: верный повсюду.

<http://bllate.org/book/13377/1190189>